

Шан Сяохань не был тепличным цветком, и Ци Цзиншэн, подумав, приказал Сяо Цзю достать все скрытые записи боевых видео и материалы по обработке инцидента. Он планировал сначала посмотреть видео, а затем обсудить весь ход событий. Однако, когда он рассказывал о случившемся, Шан Сяохань уснул.

Сяо Цзю наблюдал, как Ци Цзиншэн отнес его в спальню, лично переодел и уложил, а затем аккуратно ушел, лишь слегка поцеловав в лоб.

— Я немного не понимаю. Твой способ заботы о нём — это как отец заботится о сыне? У вас, людей, столько разных способов влюбляться. Разве сейчас не стоит воспользоваться моментом и получить удовольствие?

Ци Цзиншэн упал на свою кровать, бросив Сяо Цзю рядом с диском с данными.

— Ты слишком много болтаешь. Он ещё маленький, ещё маленький! Этого достаточно, чтобы объяснить всё, что я сейчас делаю. Если будешь продолжать так много болтать, в будущем я больше ничего тебе объяснять не буду.

Сяо Цзю поспешно прикрыл рот, сдерживая дыхание, и начал листать базу данных, пока не нашел одно подходящее слово — воспитание.

У Ци Цзиншэна был только один день отпуска, и на следующее утро он встал, чтобы провести урок медитации для Шан Сяоханя, после чего должен был вернуться на базу.

Перед тем как выйти из тренировочного зала, Шан Сяохань остановил его.

— Брат Шэн?

Ци Цзиншэн, с полотенцем на шее, ответил:

— Да?

— Э-э, ничего, счастливого пути.

Шан Сяохань улыбнулся, понимая, что вчера, вероятно, был не в себе и вел себя глупо.

Те, кто рано начал встречаться в его классе, хотели бы проводить вместе все двадцать четыре часа в сутки, даже на уроках, пока учитель поворачивался, чтобы настроить экран, они умудрялись целоваться.

Он видел множество живых поцелуев и французских поцелуев, но вчерашний поцелуй Ци Цзиншэна был как поцелуй ребенка в детском саду.

Ци Цзиншэн остановился, внезапно повернулся и потрепал его по голове.

— Времени мало. В следующий раз, когда я буду в отпуске, ты, вероятно, уже уедешь. Если захочешь, можешь приехать на зимние каникулы.

Шан Сяохань кивнул и встал.

— Да!

Ци Цзиншэн подошел ближе и слегка коснулся его губ, улынувшись.

— До свидания, парень.

Шан Сяохань поднял нос на цыпочки и так же слегка коснулся его губ.

— До свидания, парень.

«В следующий раз, когда мы встретимся, я точно подрасту на пять сантиметров».

Без лишних слов они попрощались. Ци Цзиншэн улетел на маленьком корабле обратно на базу, а Шан Сяохань остался учиться и тренироваться, ожидая, когда тетушка Ли увезет его обратно в Фэнчэн.

На Четвертой планете не было водителей, и сезоны в жилой зоне имитировались в соответствии с календарем Первой планеты. Когда небо за стеклянным куполом становилось высоким и далеким, начинался новый учебный год.

Шан Сяохань вернулся в школу, и первый же день оказался неудачным. Выйдя из кабинета учителя, он столкнулся лицом к лицу с Цао Синхэ.

Этот парень в последний раз поссорился с ним и попал на тренировку по индукции силового поля, где, как и ожидалось, получил посредственный результат.

На самом деле, по оценкам школьных наставников и учителей, Цао Синхэ обычно показывал именно такой уровень — не плохо, но и не хорошо.

Однако перед тем как войти в комнату для медитации, он поссорился с Шан Сяоханем.

У людей есть множество недостатков, и один из них — перекалывание ответственности, чтобы обрести душевный покой.

Кроме того, мир всегда больше беспокоится не о недостатке, а о неравенстве.

В такой простой школе, как Фэнчэнская первая средняя школа, ежегодный курс по развитию энергетического поля стал местом, где Шан Сяохань неожиданно выделился. После медитативной индукции стабильность и диапазон его силового поля были настолько выдающимися, что могли сравниться с теми, кто учился в Академии Юньтай, где дети знатных семей с отличной генетикой и лучшим образованием с детства.

Цао Синхэ, как представитель боковой ветви семьи Цао, обычно держался выше простолюдинов, но на этот раз его результат оказался за пределами двадцати лучших, и его привычная высокомерная поза внезапно стала похожей на подготовку к удару.

Это не сильно отличалось от прогнозов учителей медитации перед тренировкой по индукции.

Но Цао Синхэ так не считал.

— Если бы Шан Сяохань не спровоцировал меня, я бы точно добился лучшего результата.

Его отец, завидуя чужому ребенку, также смутно чувствовал, что его сын прав.

— Невозможно, чтобы потомок семьи Цао уступал ребенку обычного солдата.

Разрушение чьего-то развития энергетического поля для большинства людей равнозначно разрушению их будущей карьеры.

И есть так много людей, которые считают, что если энергетическое поле отличное, то оценки, эмоциональный интеллект и воспитание становятся неважными.

Не зная об этом, Шан Сяохань обрел смертельного врага.

Теперь, столкнувшись с ним у дверей кабинета учителя, где повсюду были камеры наблюдения, Цао Синхэ явно не мог ничего сделать. Он злобно смотрел на Шан Сяоханя, не скрывая желания разорвать его на куски.

— Ты еще смеешь показываться мне на глаза?

Шан Сяохань был в недоумении.

— А почему бы и нет?

Цао Синхэ, с налитыми кровью глазами, стоял перед Шан Сяоханем, который выглядел бодрым и довольным, и в его голове крутились сцены, где он хватает его за воротник, бьет об стену и заставляет плакать на коленях.

Этим летом Цао Ивэнь нанял ему несколько репетиторов, и время, отведенное на медитацию, было вдвое больше, чем на другие предметы.

Цао Синхэ хорошо справлялся с другими предметами, но как только начиналась медитация, он становился раздражительным, и редко мог сохранять спокойствие.

Управление ментальной силой для восприятия и направления энергетических частиц в окружающем воздухе требует высокого уровня контроля над эмоциями, а Цао Синхэ, как только садился медитировать, начинал думать о том, что если бы не Шан Сяохань, он мог бы добиться большего.

Он размышлял об этом снова и снова, и со временем «мог бы» превратилось в «точно бы». Без Шан Сяоханя он точно добился бы большего.

Продолжая в том же духе, он заиклился на этой мысли и сам поверил, что его плохие результаты были из-за Шан Сяоханя. Первоначальная мысль «отец обязательно спросит, почему так плохо, и мне нужно найти оправдание, чтобы опередить его» исчезла в глубинах космоса.

За это лето уровень его энергетического поля не только не улучшился по сравнению с первой индукцией, но и стал хуже из-за эмоциональных колебаний.

А за это же лето Шан Сяохань успешно завершил первый этап укрепления основ.

— Нелепо.

Шан Сяохань прошел мимо него, чувствуя, что выражение его лица кажется знакомым.

Только войдя в лифт, он вдруг вспомнил.

«А, это же выражение девушки, которая обвиняет неверного парня».

...Честно, это просто невообразимо.

Цао Синхэ вошел в кабинет учителя. По традиции, самое важное для старшеклассников — это

поговорить с наставником в начале учебного года и определить свое будущее направление.

Государственные школы не могли сравниться с Академией Юньтай, где каждый ученик имел отдельного учителя, который тратил много времени на помощь и рекомендации. Большинство детей к концу второго года уже понимали, чем хотят заниматься.

Но такие ученики, как Шан Сяохань и Цао Синхэ, которые были в числе лучших, получали особое внимание.

Учитель прочистил горло, достал документы Цао Синхэ, немного просмотрел их, взял заранее подготовленные рекомендации и открыл рот.

— За эти годы твои результаты...

Цао Синхэ резко перебил его.

— Мое будущее уже решено отцом.

Он протянул свой предварительный план, явно не желая обсуждать дальше.

— Если в семье уже есть планы, это хорошо. Старшие обладают богатым опытом. Давайте я посмотрю ваш план.

Учитель взял документ, внимательно изучил его и не смог сдержать нахмурившегося лба.

Этот план, судя по тому, что он знал о Цао Синхэ, казался не совсем подходящим.

Он знал отца Цао Синхэ, встречался с ним на родительских собраниях и домашних визитах. В Фэнчэне он был значимой фигурой, важным помощником главы семьи Цао.

Но, похоже, он не очень понимал характер своего сына.

Следование по стопам отца — это хорошее направление, особенно в семьях, где есть традиционные ремесла, и с детства ребенок впитывает опыт, который другим недоступен.

Особенно учитывая, что Цао Ивэнь занимал высокую должность, и естественным способом продолжения семейного богатства было передать свое дело сыну, что является распространенной идеей.

Учителя в школе, не обладая глубоким знанием всех профессий, понимали, что такая должность, как у Цао Ивэня, требует человека с характером, который отличается внимательностью, терпением, сдержанностью и всесторонностью. А Цао Синхэ, будь то интересы или черты характера, был весьма импульсивным.

В студенческих организациях он стремился занять лидирующее место, время от времени вступая в союзы и интриги. Такой ребенок подходит для профессии управляющего, где нужно уметь читать между строк и предугадывать желания хозяина?

В шестнадцать лет характер уже практически сформирован.